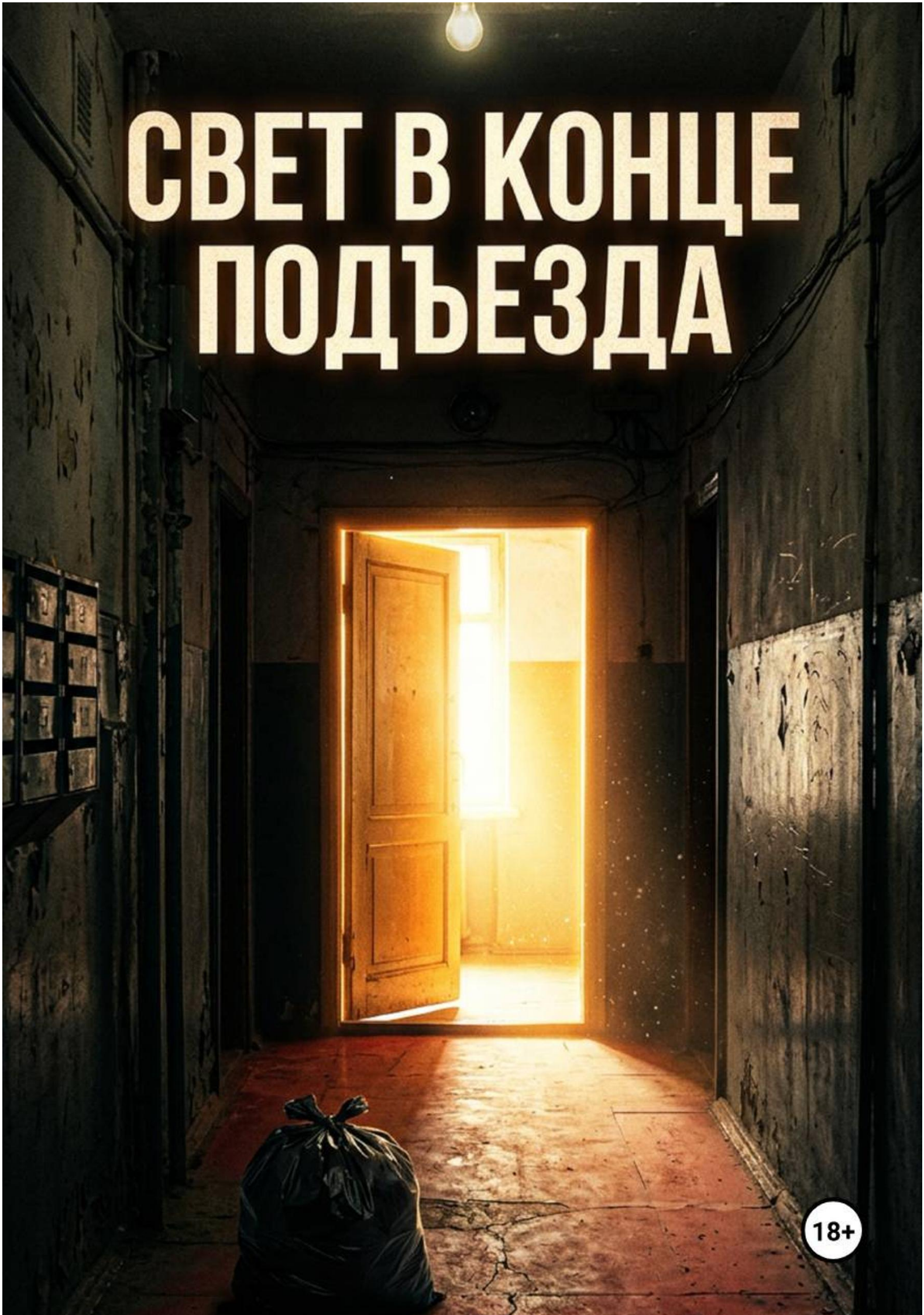

СВЕТ В КОНЦЕ ПОДЪЕЗДА
18+

Тёмный

Свет в конце подъезда

«Автор»
2026

Тёмный

Свет в конце подъезда / Тёмный — «Автор», 2026

В центре повествования — история Алексея, сорокалетнего рабочего, чья жизнь превратилась в бесконечный цикл выживания. Ноябрьская темень за окном панельной девятиэтажки, ледяной линолеум под ногами, хроническая усталость, остеохондроз и «токсичный» кредитный рейтинг — так выглядит рутина человека, который давно перестал быть хозяином своей судьбы. Вместе с женой Леной и двумя детьми он заперт в клетке из микрозаймов, долгов за ЖКХ и глухой, застарелой обиды на самого себя.Точкой невозврата становится одна ноябрьская неделя, в течение которой герой решает не просто изменить быт, а провести тотальную ревизию собственного распада. Это суровая, лишенная иллюзий хроника одного экзистенциального бунта.

© Тёмный, 2026
© Автор, 2026

Тёмный
Свет в конце подъезда

Хроника одной недели, изменившей жизнь

Введение.

Эпоха фантомной жизни

Будильник на телефоне орал так, словно пытался пробить дыру в бетонном потолке панельной девятиэтажки. Этот звук не был мелодией — это был скрежет металла по стеклу, сигнал тревоги, который не спасал, а лишь констатировал начало пытки. Алексей ударил по тумбочке ладонью, не открывая глаз. Попал по пустому флакону из-под дешевого одеколона. Флакон с дребезжанием укатился под кровать, словно испуганное животное. 5:42 утра. За окном — абсолютная, непроницаемая ноябрьская темень, в которой тонул даже свет одинокого фонаря во дворе.

Он лежал, слушая, как в старом чугунном радиаторе жалобно булькает вода. Система отопления дышала на ладан, как и всё в их жизни. Рядом, отвернувшись к стене, ровно дышала Лена. Он знал, что она не спит. Он чувствовал это по напряжению её плеч. Её смена в «Магните» начиналась в десять, но дорога на двух перекладных съедала столько времени и нервов, что выходить нужно было уже через час.

Алексей спустил ноги на ледяной линолеум. Пятки обожгло холодом, который шел от стыка плит в полу. Он встал, скрипнув суставами, и пошлепал в ванную. Включил свет. Из зеркала на него посмотрел незнакомец: сорокалетний мужик с серым, пористым лицом, трехдневной щетиной и мешками под глазами, в которых читалась не просто усталость, а глухая, застарелая обида. Обида на себя. На то, что в тридцать восемь лет у него было незаконченное высшее («Менеджмент организации», брошенное ради выживания), остеохондроз и кредитный рейтинг, который банки называли «токсичным».

Он пустил ледяную воду. Умылся, стараясь не смотреть себе в глаза — там было слишком много стыда. Натянул вчерашние джинсы — на правом колене наливалось жирное пятно от машинного масла. Вчера он пытался вывести его ацетоном, но только размазал, сделав пятно похожим на кляксу Роршаха. Футболка пахла потом, дешевым табаком и безысходностью.

— Леш, — сонный, севший голос Лены заставил его вздрогнуть. — Поставь чайник. И не греми. Он кивнул, хотя она не могла видеть. На кухне было тесно, как в коробке из-под обуви. Стол, заваленный квитанциями за ЖКХ, детскими тетрадками по математике и рекламными листовками из почтового ящика, которые сквозняк гонял по линолеуму. «Быстрые деньги за 5 минут». «Реструктуризация долгов». «Займы под 0%». Алексей сгреб бумажки в старый обувной ящик, смахнув на пол засохшую хлебную крошку.

Лена вышла через двадцать минут. Она двигалась медленно, как робот с севшей батарейкой. На ней была фирменная зеленая жилетка — она не снимала её даже дома, потому что в квартире было так холодно от промерзающих стен, что лишний слой синтепона не мешал, а спасал. — Опять пятно, — тихо сказала она, кивнув на его колено, пока наливала кипяток в кружки с отбитыми ручками. — Постираю, — буркнул Алексей, беря кусок черствого хлеба. — Чем? Порошок вчера кончился. — У Витька стрельну. Я сегодня к нему на объект еду, гипсокартон крутить. Может, аванс выбью.

Лена ничего не ответила, только поджала губы так, что они превратились в тонкую белую нить. Она намазала на хлеб тончайший, прозрачный слой маргарина. Они ели молча. Этот утренний ритуал был самым честным моментом их суток. Днем они будут улыбаться покупателям, начальству, заказчикам. А сейчас, в 6:15 утра, они были просто двумя очень уставшими людьми, которые проигрывают жизнь с разгромным счетом.

— Пап, ты орешь, — в дверях кухни появилась Дашка. Четырнадцать лет, худющая, ключицы торчат, в безразмерной толстовке с логотипом игры, которую Алексей даже не мог выговорить. В ушах — белые беспроводные наушники, которые он купил ей в кредит на прошлое 8 марта, отдав за них половину шабашки. — Я не ору, — огрызнулся Алексей. — Я кашляю. — Ты всегда так кашляешь. Как дед старый. Дашка подошла к столу, взяла со сковородки кусок вчерашней жареной картошки прямо пальцами и ушла обратно в свою комнату, даже не выключив свет в коридоре.

Алексей почувствовал, как внутри закипает знакомая, горячая и липкая ярость. Ему хотелось рявкнуть так, чтобы посыпалась штукатурка, заставить её уважать их быт, их нищету, их правила. Но он промолчал. Потому что знал: если начнется крик, Лена заплачет, Дашка хлопнет дверью, а у него самого подскочит давление до ста восьмидесяти. А им сегодня еще ехать два часа в набитой до отказа электричке, где пахнет металлом, сыростью и чужой злобой.

Глава 1.

Суббота. Шаг 1.

Выгрузка мусора (Красная черта)

Утро субботы выдалось на удивление тихим. За окном перестал лить бесконечный ноябрьский дождь, и даже бетонная коробка их квартиры, казалось, перестала источать сырость. Алексей проснулся без будильника в восемь утра. Голова была ясной — вчера он отказался от пива, просто рухнув на кровать от усталости после безрезультатной поездки к Виктору. Лена еще спала, свернувшись калачиком под двумя одеялами, натянув их на нос. Он посмотрел на её осунувшееся лицо, на седую прядь, выбившуюся из небрежного пучка. Седина появилась в её волосах в тридцать два. Он знал, что это его вина.

Вчера, после разговора на кухне, он принял решение. Не глобальное, не «изменить жизнь к понедельнику» — такие обещания он давал себе каждый Новый год. Нет. Это было конкретное, физическое действие. Он встал, стараясь не скрипеть полом, и прошел в коридор. Открыл встроенный шкаф. Оттуда на него пахнуло запахом затхлости, старой резины и пыли. Это была не гардеробная. Это была могила вещей, кладбище его несбывшихся надежд.

Сверху, угрожающе накренившись, лежали три рулона старого линолеума, который он купил пять лет назад «на дачу», когда дачи у них еще не было, а была только мечта. Ниже — коробка с его зимней обувью, которую он не носил, потому что зимой предпочитал дешевые китайские ботинки, которые не жалко убить в реагентах. Дальше — пакеты с Лениной одеждой, из которой она выросла после вторых родов, но выбросить было «жалко». Детские лыжи, на которых Мишка катался в третьем классе, сломанный пылесос, стопка пожелтевших журналов «Наука и жизнь» за девяносто четвертый год, которые остались от его отца.

Алексей не стал философствовать. Не стал раскладывать вещи на «нужное», «жалко» и «может пригодится». Он включил режим бульдозера. Если вещь не использовалась год — в пакет. Если вещь была сломана и ждала «починки» больше полугода — в пакет. Если вещь вызывала чувство вины (как те самые журналы или Ленины парадные туфли на шпильке, в которых она последний раз танцевала на их свадьбе) — в пакет.

Он вытащил первое, что попалось под руку — рулоны линолеума. Они оказались тяжелее, чем он помнил. Мышцы, отвыкшие от нормальной нагрузки, заныли. Он кряхтя, перехватывая их как бревно, дотащил до входной двери и сбросил на коврик. Пыль поднялась столбом. — Леш, ты чего шумишь? — Лена вышла из комнаты, кутаясь в старый халат, который когда-то был пушистым. — Мусор выношу, — бросил он, возвращаясь в шкаф, как в клетку с тигром.

Он работал методично. Он не думал. Он просто брал предметы, которые когда-то стоили денег, которые были подарками или символами статуса, и швырял их в черные пакеты для строительного мусора. Вот старая гитара с порванными струнами — он хотел научиться играть. В пакет. Вот коробка с детскими рисунками Дашки за первый класс — он даже не помнил, как она их рисовала, потому что тогда работал в две смены. Он посмотрел на кривой домик

и солнце в углу. Оставил. Но всё остальное — засаленные подушки с дивана, которые пахли пивом, старые видеокассеты, сломанный торшер — летело в темноту полиэтилена.

Через час в коридоре выросла гора из черных мусорных мешков. Она перегораживала проход. Квартира визуально стала больше. Потолок словно поднялся выше. Воздух, циркулирующий через открытую дверь шкафа, стал свежее, в нем больше не пахло старостью и плесенью. — Куда ты столько? — Лена с ужасом смотрела на гору у двери. — Это же всё... это же наша жизнь. — На помойку, — отрезал Алексей. — Вызову «Газель» для строительного мусора. Обойдется в две тысячи. Зато мы сможем зайти в этот чертов шкаф, не рискуя быть погребенными заживо под слоем прошлого.

Лена подошла к одному из пакетов. Там, сквозь черный полиэтилен, угадывались очертания. Она достала его. Это было её выпускное платье. Белое, гипюровое. — Это я оставлю, — тихо сказала она, прижимая пластик к груди, словно пытаясь согреть ткань. — Оставляй, — неожиданно легко согласился Алексей. — Но только то, что ты реально возьмешь в руки, посмотришь и скажешь: «Это мое». Остальное — пепел.

Они потратили весь день на сортировку. Это был тяжелый, грязный труд. Они нашли за диваном горсть мелочи, потерянную Мишкой три года назад. Нашли свидетельство о рождении Дашки, которое Лена искала перед школой, перерывая весь дом. Нашли фотоальбом в бархатной обложке, который не открывали лет пять. Сидя на полу, среди коробок, они открыли его. Вот они молодые, на фоне палатки у какой-то речки. Алексей — с огромным кадыком и в дурацкой панаме, но глаза горят, в них нет этой серой мути. Лена — худая, счастливая, держит на руках крошечного Мишку, завернутого в пеленку. — Помнишь, как мы тогда консервы открывали камнем? — улыбнулась Лена. — Потому что открывашку забыли, а есть хотелось до обморока. — А помнишь, у меня тогда зуб разболелся, и ты мне водку к десне прикладывала прямо из горла? — рассмеялся Алексей.

Они смеялись. Впервые за долгое время они смеялись над своей нищетой. Потому что тогда это было приключением. А сейчас это было просто болото. К вечеру приехал фургон. Водитель, хмурый таджик, помог закинуть мешки в кузов. Алексей отдал ему две тысячи — последние из заначки Лены, которую она прятала в сапоге. Когда машина уехала, Алексей вернулся в пустую прихожую. Он открыл шкаф. Внутри было гулко и просторно. На единственной оставшейся полке лежали аккуратно сложенные рабочие джинсы, стопка чистых футболок и зимняя куртка. Он закрыл дверцу. Прислонился к ней лбом. Холод металла отрезвлял. Это были просто старые тряпки. Но вынося их, он выносил из дома запах своего поражения.

Глава 2.

Воскресенье. Шаг 2.

Хирургия кошелька (Красные цифры)

В воскресенье, пока дети спали, оккупировав диван и укрывшись одним одеялом на двоих (Мишка закинул на Дашку ногу, и она не сбросила её), Алексей и Лена сели за кухонный стол. Между ними лежала стопка квитанций, блокнот в клетку и дешевая шариковая ручка, которая писала через раз. — Я устала бояться телефона, — начала Лена, не поднимая глаз. Её пальцы теребили край скатерти. — Каждый раз, когда он звонит, я думаю: это из банка? Из микрозаймов? Из школы? — Сегодня он замолчит, — Алексей раскрыл блокнот. Твердо, как хирург, готовящийся к ампутации. — Пиши. Доходы.

Лена взяла ручку. Её рука слегка дрожала. — Моя зарплата. Тридцать восемь. — Моя... — Алексей задумался, глядя в потолок. — В среднем, если брать за полгода, двадцать пять. Но это грязными, Витька кидает на налогах. — Плюс пенсия твоя по инвалидности за ногу? — напомнила Лена. (Старая травма на стройке — падение с лесов, компрессионный перелом — давала о себе знать, принося копейки от государства). — Да. Еще восемь.

Итого: семьдесят одна тысяча рублей. На бумаге сумма выглядела внушительно. Для их города это были почти деньги. — Теперь расходы, — Алексей выпрямился, его голос стал

жестким, как у прапорщика. — Квартира. Двадцать пять. — Свет, вода, газ, мусор, интернет, — Лена быстро строчила в столбик, макая ручку в остатки чернил. — Еще семь. — Проезд. Наши «Тройки». — Алексей нахмурился. Он никогда не считал это всерьез. — Считай. Туда-обратно... это... почти четыре тысячи в месяц на каждого. — Восемь тысяч, — прошептала Лена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.